Н.М. МОГИЛЯНСКИЙ ОБ «УКРАИНСКОМ ВОПРОСЕ» И РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

© 2019 г. Е.Ю. Борисенок

Д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.
E-mail: vostslav@yandex.ru

В статье анализируются политические взгляды на «украинский вопрос» известного российского этнографа Николая Михайловича Могилянского, резко отрицательно оценивавшего и деятельность большевиков, и деятельность сепаратистски настроенных лидеров украинского национального движения.

The article analyses political views on the «Ukrainian question» of the renown Russian ethnographer Nikolai Mogiliansky, who judged negatively both about the Bolsheviks activities, and on the separatist-minded leaders of the Ukrainian national movement.

Ключевые слова: Россия, «украинский вопрос», революция, автономия.

Keywords: Russia, Ukrainian question, revolution, autonomy.

DOI: 10.31857/S0869544X0003669-8

Имя Николая Михайловича Могилянского широко известно в современной этнологии. В большинстве случаев обсуждается предложенное им понятие «этнос» как предмета этнографии, значительно меньше внимания уделяется политическим взглядам ученого и предложенные им варианты русско-украинских взаимоотношений. Между тем, последний аспект заслуживает, несомненно, особого рассмотрения.

Н.М. Могилянский родился в Чернигове в 1871 г. в семье судейского чиновника. Николай Михайлович получил прекрасное образование: он закончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, учился и стажировался за границей. Вернувшись в Петербург, Могилянский работал сначала в Музее антропологии и этнографии, а затем – в Русском музее, преподавал в нескольких учебных заведениях Петербурга.

Зоной ответственности Николая Михайловича в Русском музее были Центральная Россия, Малороссия, Новороссия и Бессарабия. Много времени он проводил в полевых экспедициях [1. С. 73]. Полевой опыт повлиял на формирование представлений о «двух культурных типах» и позиции ученого по «украинскому вопросу». Как писал Николай Михайлович, «в костюме, в манере есть, в способе приготовления пищи, в украшениях и орнаменте, в семейных и обще-

ственных отношениях, украинец существенно отличается от своего брата великоруса». Наблюдения, сделанные в великорусской деревне, заставили ученого записать: «Воспитанный в русской школе, на русской литературе и истории, в обществе, которое считало себя русским, я никогда в жизни не чувствовал самого себя более малороссом или украинцем, как здесь, в этой непривычной для меня этнографической среде» [1. С. 74].

Придерживаясь кадетской платформы[1], в период революции Николай Михайлович проявил себя как ярый противник большевиков. После октябрьских событий, в январе 1918 г., он переехал в Киев. Могилянский поддержал П.П. Скоропадского и принял активное участие в политике Украинской Державы: был товарищем государственного секретаря, занимал пост председателя юридическо-редакционной комиссии украинской делегации на мирных переговорах между Украинской Державой и РСФСР, в октябре 1918 г. был назначен главой дипломатической миссии во Францию, но прибыл в Париж уже после падения гетманата. С 1919 г. Николай Михайлович был в эмиграции, жил в Швейцарии, Франции, Чехословакии.

В чем же заключалась особенность взглядов Могилянского на «украинскую проблему»? Во второй половине XIX–начале XX в. в российском обществе широко обсуждался вопрос о значении различий между великороссами и малороссами (см. подробнее [3]). Сторонники концепции «большой русской нации» рассматривали малороссов как часть русского народа, признавая, впрочем, наличие различий между отдельными его частями. Приверженцы «украинского проекта» настаивали, что отличия носят принципиальный характер, что дает основание для выделения особой украинской нации. Поэтому для одних легитимным понятием для идентификации стало наименование «малоросс», для других – «украинец».

Для Могилянского выбор наименования для обозначения населения не носил принципиального характера: «Населенный южноруссами, малоруссами или украинцами, как кому это больше нравится по названию, край этот, не говоря уже о его исключительных природных богатствах, легко доступен и с суши и с моря через Польшу, Румынию и Черное море» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 10–11]. В ответ на ожесточенные дискуссии о существовании отдельного украинского народа Н.М. Могилянский заявил: «Можно, конечно, без конца спорить о том. Существует (так в тексте. – *Е.Б.*) или нет Украйна, термин, известный уже в летописи, можно отрицать существование украинцев и признавать лишь малороссов, можно еще больше потратить слов, доказывая, что никакого особого украинского языка не существует, а есть малорусское или южнорусское наречие русского языка, но если мы оставим вовсе в стороне все спорное, то бесспорным все же останется факт существования в южной России особой этнической группы, как бы мы ее не называли – украинской или малорусской, с ей свойственной суммой признаков антропологических, этнографических и лингвистических, группы весьма значительной по числу индивидуумов к ней принадлежавших и имеющей уже значительно изученное территориальное распространение» [5. С. 583–584].

Для Могилянского было важным наличие этнических различий между двумя народами. В очерке «Трагедия Украины» (1919) ученый ссылался на антропологические и этнографические изыскания своего коллеги Ф.К. Волкова, согласно которым «1) украинский народ на всей занимаемой им территории отличается

[1] Как писал в 1920 г. украинский еженедельник «Воля», выходивший в Вене, Могилянский «не то был, не то и теперь является русским кадетом» (см. [2. С. 122]).

целым рядом общих для всего его состава этнографических особенностей, которые не оставляют сомнений в том, что он представляет собой одно этническое целое, совершенно определенно выделяющееся из среды прочих славянских народов; 2) в этнографическом складе своей жизни украинский народ сохранил значительное количество остатков старины, доказывающих, что он не подвергался очень глубоким этническим влияниям извне и, несмотря на свою богатую событиями историю, развил свои этнографические черты последовательно и достаточно равномерно; 3) подвергаясь, как и все прочие народы, в известной мере внешним этнографическим влияниям, он ассимилировал некоторые чуждые ему формы, но не в такой степени, чтобы они могли изменить его основные этнографические черты и удалить от общего славянского типа; 4) в частностях своего этнографического быта украинский народ обнаруживает наиболее близкое сходство со своими западными соседями, болгарами и сербами, а также с румынами, которые в этнографическом отношении остаются вполне славянским народом. Польша была проводником главным образом культурных влияний европейского Запада. 5) Этнографические особенности белорусов и великорусов оказываются если не идентичными, то весьма близкими к украинским в своих наиболее старинных формах» [5. С. 583]. Могилянский подчеркивал важность последнего положения: «Если первые четыре тезиса, как бы они ни были важны, способны заинтересовать только тех, кто специально работает в области этнографии, то последний вывод, совпадая в конечном результате с выводом чисто антропологических исследований, выходит уже за сферу специального интереса и становится весьма важным для деятелей практической политической и культурной жизни с ее жгучими проблемами текущего дня, и об этом выводе слишком забывают г[оспода] украинские националисты, ибо важны они для всякого культурного человека, будь то украинец или великорус» [5. С. 585–586].

Таким образом, Могилянский критиковал тех, «кто всех одинаково считал русскими – и малороссов, и белорусов, кто все украинское движение считает лишь интригой врагов России». Как подчеркивают современные специалисты, отстаивая самостоятельность украинцев как «этнического типа», Николай Михайлович в то же время считал их частью «русского народа»: «Совсем нового происхождения слово “украинец”, “украинцы” – введенное для обозначения особого этнического типа, который современная наука – антропология и этнография, отличают в общей массе русского народа, который, как известно, делится на три особые ветви: великорусов, малороссов и белорусов. “Украинец” и “малоросс”, следовательно, – синонимы» [1. С. 74–75].

Задаваясь вопросом «как провести границу между Украиной и Россией», ученый замечал, что «в действительности этой границы, строго говоря, не существует ни в географическом, ни в лингвистическом, ни в этнографическом смысле», а «есть ряд весьма сложных переходных форм с очень неопределенной границей» [5. С. 601]. Поэтому «нелегкая задача – определить территорию, на которую должно быть распространено понятие об Украине». Могилянский предлагал руководствоваться не политическим, а этническим признаком, поскольку «власть гетманов распространялась в разные моменты на очень неравнозначные [...] части южнорусской равнины, а потому политическим признаком весьма трудно пользоваться для определения границ украинской территории. Надежнее иной, этнический признак» [4. Оп. 1. Д. 40. Л. 1]. «Сейчас центром распространения малороссов или украинцев, народа с рядом ему свойственных этнографических особенностей, являются следующие 5 губерний: Черниговская (кроме северных уездов), Полтавская, Киевская, Волынская и Подольская. Но этой областью не ограничивается распространение малорусского народа. Мы

встречаем малороссов в большей или меньшей массе в губерниях: Курской, Воронежской, Харьковской, Херсонской, Северной Таврии, Бессарабии, Екатеринославской губернии, на Кубани; колониями: в Саратовской губернии, в Средней Азии и даже в далекой Дальневосточной окраине России – в Уссурийском крае. Всюду сохранили они свой язык и особенности своего бытового уклада» [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 94], – считал Могилянский.

И в революционные годы, и в период эмиграции Могилянский много размышлял о существе «украинского вопроса» и путях его разрешения. Весьма критически он относился к политике царского правительства в отношении украинского населения. «Присоединение Украины к России по Переяславскому договору 1654 г. было, конечно, актом исторической необходимости, актом логическим и неизбежным, но нельзя сказать, чтобы он дешево обошелся украинскому народу, – замечал ученый. – [...] факт превращения свободных людей в крепостных рабов под эгидой русской государственности не подлежит никакому сомнению» [5. С. 588].

Именно в официальной позиции властей империи по отношению к «украинскому вопросу» видел Могилянский причины «трагедии Украины». «Болезнь, загнанная внутрь всем тяжелым аппаратом государственной, административной и полицейской власти, болезнь старая, лишь обнаружила себя во всей ее неприкрытой сущности в послевоенном пароксизме революции» [4. Оп. 1. Д. 120. Л. 38об.], – был убежден Николай Михайлович.

Анализируя развитие украинского движения в Российской империи, Могилянский связывал его с ростом украинской интеллигенции и указывал на значение образования «первого политического общества, известного под названием Кирилло-Мефодиевского братства»: «С тех пор и до самого последнего времени Украина не выходит у русского правительства из подозрения насчет сепаратизма» [5. С. 589]. Репрессивная политика царского правительства имела негативные последствия – «последствия этой политики отразились чрезвычайно гибельно на истории русско-украинских взаимоотношений, создав из соседней австро-венгерской провинции Галиции убежище для украинского слова. Загнанное у себя дома украинское слово приютилось под защитой австрийской конституции, и там же дано было убежище для лиц, которые своей деятельностью возбудили против себя репрессии центральной русской власти» [5. С. 589].

«Как в истории России в целом политическая ссылка и эмиграция создали огромные кадры “революционеров” по профессии, теоретиков революции двух фракций русского социализма – с.-д. И с.р., [...] так и Украина, целиком и давно взятая под подозрение, [...] создала свои кадры украинских революционеров-сепаратистов, нашедших приют в соседней Австро-Венгерской провинции Галиции» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 14–15], – писал Могилянский. «Отчего в сознании русских общественных и политических деятелей вопрос финляндский, вопрос польский не возбуждал никаких сомнений? Отчего первое русское временное правительство на оба эти вопроса ответило ясно и определенно? И только украинский вопрос, гораздо более тяжкий и больной для внутренней жизни России разрешался неуклюже, случайно и под давлением назревавшей катастрофы?», – возмущался ученый [4. Оп. 1. Д. 6. Л. 68об.].

Разбираясь в эволюции украинского движения, Могилянский отмечал, что «обострение сепаратистских настроений в среде украинских патриотов и националистов, совпадает с периодом ликвидации мировой войны. Два элемента содействовали этому обострению: с одной стороны провал попытки создания независимой Украины в 1917–1919 гг., попытки, разбившейся о полное равнодушие массы украинского народа к идее отделения от России. С другой, – усиленная пропаганда и всякое содействие сепаратистским стремлениям со стороны

врагов России в мировой войне: Германии и Австрии» [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 95–95об.]. При этом он отмечал полную политическую пассивность украинцев, не разделяющих сепаратистских воззрений [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 95об.].

Негодование Могилянского вызывали действия сторонников украинской независимости. Украинские сепаратисты «в своем стремлении оторвать Украину от России большинство ориентируется на Германию, давно уже, особенно с 1915 г., поставившую карту на создание независимой от России Украины. Меньшинство связывает свои надежды с Польшей. Также, по проникающим сведениям, группируются элементы и на Украине, входящей в СССР» [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 95об.]. «Основные черты этой группы составляют: 1) непримиримость по отношению к России, 2) германофильство, 3) безудержная демагогия, 4) стремление к власти во что бы то ни стало» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 15–16.], – с печалью заключил ученый. С.В. Петлюру и В.К. Винниченко он называл «разбойниками»; резко отрицательную оценку вызывали те, кто «самозванно и нагло объявил сепаратизм, как необходимое условие его будущего благополучия» [4. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.]. «Своими руками растерзали живое тело своей “неньки Украины” гг. Петлюра, Винниченко и прочие националисты-социалисты, отдали ее сознательно в руки большевиков, ибо живою и здоровую они хотят видеть ее только “самостийною”» [5. С. 600], – писал Могилянский в очерке «Трагедия Украины».

Едва ли не большее негодование Могилянского вызывали действия большевиков. Разбираясь в причинах их успехов, ученый заметил: «Легкость, с которой все это произошло в России в течение первых семи-восьми месяцев после революции, объясняется целым рядом обстоятельств, но достаточно будет упомянуть здесь основные факторы. 1. Люди, ставшие у власти, устранив старый аппарат власти, оказались совершенно бессильными в создавшихся условиях создать необходимый новый аппарат власти. 2. Значительное большинство русской интеллигенции, жившей вне реальных условий жизни, оказалось в рядах разных фракций социализма, но без фактического влияния на массы, они только подготовили победу и триумф большевизма. 3. Темная, некультурная масса народная пошла за заманчивым лозунгом – долой войну с Германией и беспощадная война буржуазии, причем деревенский дикарь без чувства патриотизма и без уважения к чужой собственности все и исполнил точно: бросил окопы, пушки отдал или продал немцам и отправился домой делить землю, скот и всякое имущество вообще. Достаточно известно, как все это было выполнено» [5. С. 594]. Последний пункт представлялся особенно важным. В дневнике он записал: «Украинское население, как и русское, стремилось к двум целям неудержимо:

– к ликвидации тяжкой войны,

– к дележу помещичьей земли.

В этом вся причина успеха большевиков» [6. С. 260].

Могилянский находил в политике большевиков определенную парадоксальность. Касаясь событий конца 1917–начала 1918 г., он замечал: «В самом деле, какие претензии могло иметь правительство Ленина к правительству Голубовича, чем Ц[ентральная] Рада менее на высоте положения, чем с[овет] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]? Ведь торжественно, urbi et orbi объявлено было самоопределение народов и к тому же специально по украинскому народу с[овет] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] вынес резолюцию, где прямо говорилось, что Украина может сделаться самостоятельной, если она того пожелает.

Когда же она этого не только пожелала, но и фактически осуществила свои пожелания, на нее двинуты были войска под тем предлогом, что Ц[ентральная] Р[ада] сплошь состоит из генералов и буржуев (помещиков), хотя это была заве-

домая ложь, ибо в Ц[ентральной] Р[аде] не было ни одного генерала или помещика, а просто мало известные личности, избранные по всему краю без достаточных гарантий выборной техники. Эти господа издали универсал о социализации земли, почти дочиста разоривший помещичьи хозяйства, и вообще в законодательной сфере обнаружили не меньше равноценного по значению творчества, чем и Петербургский совет раб[очих] депутатов. Но тут уже чувствовалась невидимая руководившая всей этой политикой иноземная рука» [5. С. 595].

Вообще «иноземной руке» – Германии – Могилянский уделял много внимания в своих работах. По его мнению, события были тонко просчитаны: «Подарить Киеву несколько недель большевистского режима, чтобы показать несогласным с украинцами и тянувшим к России элементам прелести этого единения, а затем явиться в Киев по приглашению правительства Голубовича и с одобрения Центральной Рады» [5. С. 596]. Впрочем, очевидно, что Германии удалось «переиграть» деятелей УНР: «Но уже всего двух месяцев пребывания в Киеве для немцев достаточно было для того, чтобы убедиться, что при хозяйничании Голубовича и К° им ничего не достанется на Украине, ибо вместо того, чтобы обрабатывать землю, крестьянин будет делить землю, а немцу нужен хлеб, а не социализация земли. Этим объясняется, почему немцы пошли на гетманский переворот, т. к. никакими собственными реальными силами гетман для переворота не располагал» [5. С. 596].

Николай Михайлович критиковал действия лидеров УНР, подчеркивал отсутствие у них выработанной программы действий. Описывая события весны 1918 г. («период между занятием Киева немцами 2 марта нового стиля и концом апреля, когда Украина из народной Республики превращается de jure в самостоятельное гетманство, de facto – в скрытую зону немецкой оккупации» [7. С. 605]), будущий соратник гетмана отметил, что «украинские деятели, вошедшие в министерство, партийно настроенные интеллигенты разных профессий, в своих теориях, на словах были разного вида и партийного толка социалистами, радикалами, демократами, а в сущности своей вышли из рядов мелкопоместного дворянства, служилого чиновничьего сословия, третьего элемента земств и т. п., были не более как мирные буржуа, часто весьма идеалистически настроенные [...] и только. Не было у них ни разработанного плана, ни технического опыта, ни даже необходимых знаний. Жизнь поставила их в действительно трагическое положение. В критике своей они были сильны и беспощадны, революционный язык им был известен в совершенстве – им они были обязаны своими министерскими портфелями, но когда дело касалось жизни, житейских отношений, а не теории, тут они были совершенно бессильны» [7. С. 612–613].

Гетману и Украинской Державе Могилянский уделял особое внимание. Разбираясь в природе Украинской Державы, ученый считал, что «гетманство было реакцией против социалистических опасных опытов, затевавшихся на Украине» [7. С. 615]. Именно поэтому «вокруг гетманства сгруппировались все элементы и группы антисоциалистические». В то же время для Скоропадского выбор был не простым: «Было большим самопожертвованием со стороны его идти на роль “гетмана всієї України”. Война с Германией еще не была закончена – это ставило его, самого активного участника войны в положение изменника делу Entente. Из немецких рук он принимал гетманскую булаву как эмблему «самостийной» Украины, что в корне для благородных людей шло вразрез с интересами России – он становился также в глазах русских людей изменником России.

Смысл создавшегося положения заключался в одном: спасти Украину, богатейший край, от ужасов большевистской анархии, спасти его для блага его самого и для блага будущей России» [5. С. 596–597]. С точки зрения Могилянского, гетманство было попыткой «сохранить тип государственности и порядка»

[5. С. 600], компромиссом, и, «как всякий компромисс, носило в себе яркие следы фальши» [7. С. 618]. В чем же заключался этот компромисс? «Те, кто хотели вовсе отречься от немцев и до конца идти против них, должны были отдать Украину большевикам, – размышлял Могилянский. – Кто испытал режим большевиков, тот имеет право предпочесть ему любой другой, самый тяжкий, даже морально угнетающий режим иноземной оккупации. Ибо этот режим допускает все же хотя бы ростки, зародыши национальной жизни, школы, культуры; режим большевиков – смерть и запустение. [...] Десятки и сотни беженцев из России на Украину подтвердят то, что гетманский режим, хотя бы и скрытой за ним германской оккупации Украины, был раем по сравнению с ужасом и режимом, которые создала в России советская власть. Спасти от такого разорения богатейший край, огромную площадь южной России была задача не только местного, но и мирового культурного значения. Она была неразрешима вне немецкой ориентации. Но, может быть, скажут: следовало умыть руки и предоставить все и всю ответственность немецким и оккупационным властям. Те, кто так рассуждают, пусть припомнят режим немецкой оккупации в Бельгии, где население осталось живо лишь благодаря американской благотворительной помощи» [7. С. 618].

В данном случае гетман П.П. Скоропадский представлял собой фигуру трагическую: «Скоропадского предали: немцы, когда он стал им не нужен, и украинцы – руководители движения, как и русские, зараженные социалистическими доктринами, и как завистники и соперники в своих притязаниях на власть. Как бы ни старались его осудить и очернить – это был глубоко честный, порядочный человек, настоящий джентльмен. Невероятную слепоту обнаружила Антанта и ее политики, в частности Франция, не поддержав Скоропадского в ноябре 1918 г., когда к тому была полная возможность» [6. С. 260].

Разбираясь в хитросплетениях гетманского правления, Могилянский замечал, что история этого периода «еще далеко не написана», однако несомненно одно: «Скоропадским создано было честное, работоспособное правительство, которое могло с достаточной удовлетворительностью разрешить вопросы – русский и украинский в условиях временного независимого украинского государства. Скоропадский был достаточно русским, чтобы не предать интересов России, он был искренним украинцем, чтобы не дать в обиду украинских интересов. Если бы у украинских «самостийников» было немножко больше государственного опыта и понимания – они обеими руками должны были бы держаться за Скоропадского, который мог составить счастье украинского народа. Судьба решила иначе. Узкие шовинисты, тупые мыслители и ничтожные, жалкие политики – Петлюра, Винниченко, Порш из Национального союза сделали свое грустное дело развала Украины, подняв восстание против гетманской власти, как ненациональной и реакционной и [...] отдали ее целиком во власть большевистской анархии» [6. С. 261].

«Так что же такое, по существу, украинский вопрос, и как найти его нормальное решение?» [5. С. 600] – задавал вопрос Могилянский. С его точки зрения, «украинский вопрос есть вопрос национальной культуры и не может он разрешаться силою оружия», поэтому «не умно и опасно для будущих судеб самой России: 1) игнорировать украинский вопрос и бороться с самыми законными стремлениями украинского народа к культурному и национальному развитию, 2) всех украинцев считать сепаратистами (выделено в тексте. – *Е.Б.*) и преступниками против России. Среди культурных слоев украинства есть здоровые элементы, которые в тесном единении с Россией видят залог будущего процветания украинского народа и они должны быть призваны для политического и культур-

ного строительства на огромной территории, где живет многомиллионный украинский народ. Без этого не разрешить никакой проблемы Украины, самой жизненной проблемы для будущей могучей и сильной России» [4. Оп. 1. Д. 6. Л. 69].

«Украинская проблема – проблема национальной культуры, слишком обострившаяся в горниле мирового пожара вследствие двух основных факторов: 1) вследствие неразумной, унификационной, слишком централистичной политики по отношению к Украине старой русской власти, 2) вследствие немецкой пропаганды, нашедшей еще почву в соседней Галиции. Проблема эта может быть решена мирным путем, а не оружием» [5. С. 601], – подчеркивал ученый. Бороться «с националистическим движением, вытекающим из здорового чувства и самосознания народа» бесполезно: «Право говорить, думать и писать на родном материнском языке должно быть обеспечено 30-милионному, богатому творческими силами народу. Нет в мире силы, которая могла бы задушить живое народное слово и загасить народное самосознание, ибо развиваются они постоянно самим подъемом и ростом культуры. Необходимо только направить его в нужное русло. Украинское движение, которому уже больше 70 лет, будет идти неизбежно вперед, пока не примет своего нормального течения. Для этого украинцы должны понять, что не в "самостийности" и не в сепаративных тенденциях их спасение, ибо есть вещи, которые идут в разрыв с природой, и искусственное их достижение чрезвычайно невыгодно и бесполезно» [5. С. 601].

«Русские люди должны понять, что украинский национализм не выдумка отдельных злокозненных лиц, но что чем больше давления и гонения на него, тем более уродливые формы может принимать то, что выражается им, – здоровые зерна, которые лежат в его основе. Пусть не закрывают глаза на тот факт, что создается значительный уже слой национально настроенной интеллигенции и слой этот растет, постоянно пополняется из народной стихии, – убеждал Могилянский. – Украинские интеллигенты со своей стороны должны оставить свой шовинизм, которого нет у народа украинского. Украинские крестьяне считают русских своими братьями, никакой вражды к ним не питают» [5. С. 602]. Более того, «малорусское или украинское население в своей массе никогда не выражало сепаратистских тенденций; последние, наоборот, разбивались о равнодушие к ним народных масс» [4. Оп. 1. Д. 120. Л. 39]. Поэтому «национальное движение должно быть направлено в нормальное русло необходимой, здоровой национальной работой» [5. С. 602].

Как же должен быть разрешен «украинский вопрос»? Могилянский считал, что этнические процессы имеют всегда сложный характер, и «если мы обратимся к современным государствам, то мы увидим, что все почти нации Европы сложились из элементов разнородных, часто весьма различных по происхождению, отличающихся друг от друга, не только по антропологическому типу, но и по языку», приводя при этом пример Франции, Германии и Англии [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 95]. Важным было наличие общей «этнической базы»: «Этническая база на огромной территории восточной Европы общая – это народ русский в его трех ветвях. Языковые и этнографические различия не могут быть препятствием для нормального развития отдельных ветвей его в рамках единого государства» [4. Оп. 1. Д. 120. Л. 39].

Могилянский был убежденным сторонником тесного сосуществования Украины и России: «Для этого Россия будущего должна отречься от губившего ее жизненные силы централизма. Отдельные однородные области, особенно с однородным населением, должны получить право сами устраивать свою судьбу и жизнь. Украина должна получить широкую автономию, которая освободила бы ее культурные силы и дала бы им возможность свободно проявить себя» [5. С. 602].

Именно с этой формой государственного устройства связывал Могилянский будущее Украины. При этом он указывал, что «слишком часто злоупотребляли двумя терминами: автономия и федерация» [5. С. 602]. Действительно, особенно активные дебаты об автономии между представителями кадетской партии и украинского национального движения велись накануне Первой мировой войны. Как подчеркивает Т.И. Хрипаченко, требования национально-территориальной автономии, выдвигавшиеся украинскими лидерами, «вызывало негативную реакцию со стороны центральных органов главной либеральной партии (кадетов), но получало положительный отклик со стороны членов ее региональных украинских организаций» [8. С. 123]. После прихода к власти большевиков стал очевидным процесс автономизации украинских кадетов, причем ситуация обострилась после гетманского переворота, когда встал вопрос об участии кадетов в правительстве Скоропадского. 8–11 мая 1918 г. в Киеве состоялся территориальный съезд кадетской партии, который признал возможным участие кадетов в государственной работе и, в частности, персональное вхождение кадетов в состав Совета министров Украинской Державы. При этом делегаты говорили о возможности (и даже необходимости) создания самостоятельного украинского государства в связи с угрозой анархии, не отрекаясь, впрочем, от идеалов единой России. Летом 1918 г. В партии велась полемика по поводу отношения к независимому украинскому государству (см. [9. С. 135–136]).

Могилянский советовал не увлекаться дискуссиями, а сосредоточиться на конкретных действиях: «Здесь гораздо важнее условия о деталях, имеющих практическое значение. Оставаясь автономной в вопросах своей внутренней жизни, Украина не должна вовсе претендовать на самостоятельность в вопросах иностранной политики. Общими с Россией должны быть у нее и Министерство военное, путей сообщения, финансов и таможня» [5. С. 602]. Подчеркивая право украинского народа на культурное развитие, ученый одновременно настаивал: «Не разделения, а наоборот, тесного общения культурного должна искать Украина с Россией, и в этом залог ее будущего процветания и силы. И без русского языка и русской литературы нет еще пока для украинцев выхода на путь широкой мировой культуры, а потому украинцы должны понять, какое преступление перед своим народом совершают они преследованием и гонением, воздвигаемым на русский язык» [5. С. 602–603]. Последнее было особенно актуально, учитывая то, что «насильственная украинизация с искусственным изгнанием всего русского не встречает сочувствия в народных массах». «Не нужно закрывать глаза на действительность: 250 лет общей жизни тесно связали Украину с Россией, украинец понимает прекрасно русский язык и зачастую требует от школы “панского” т. е. русского языка. Всякое насилие в этом смысле никогда не приведет к желаемым результатам, здесь все должно быть предоставлено росту культуры и народного самосознания» [5. С. 603], – писал ученый. Одновременно он подчеркивал: «Но главное, что необходимо должны усвоить себе интеллигентные руководители народных масс в России и на Украине, – это на многие годы вперед забыть о практическом социализме, уже так ужасно истерзавшем несчастную страну» [5. С. 603].

Анализируя перспективы большевистской власти, Могилянский надеялся на существование на Украине здоровых сил. С его точки зрения, «южнорусское, украинское крестьянство [...] никогда не примет социализма ни в какой его форме» (выделено в тексте. – *Е.Б.*), «не примирялось и не примирится никогда с иностранной властью», и в то же время «ни разу во все время революции нигде не было выражено желания отмежеваться от России, вступить на путь сепаратизма»: «Украинцы видят в русских своих братьев и никогда не будут враждебны восстановлению мощи России» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 12–14].

Помимо крестьянства, Могилянский надеялся найти поддержку и в среде интеллигенции: «Между тем на Украине существуют интеллигентские круги [...], которые, будучи более умеренными в области социологических планов, не относятся враждебно к единению с Россией и в то же время искренне желают создать нормальные условия для свободного развития народа украинского, содействуя его широкому просвещению и общему культурно-политическому развитию» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 18–19]. Среди политических сил, способных противостоять как большевикам, так и украинским сепаратистам, Могилянский выделяет следующие: «Украинская радикал-демократическая партия, украинские социалисты-федералисты, умеренная социалистическая группа, украинские к.-д. и даже более правые элементы, вместе объединенные могли бы дать новой Украине серьезных, вдумчивых ответственных работников» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 19].

Могилянский в статьях резко критиковал радикальные настроения в украинских эмигрантских кругах, согласно которым «украинский народ ничего общего с русским не имеет ни в этнографическом, ни в культурном отношении, а потому освобождение Украины от угнетения ее Россией возможно в единственной форме – создания самостоятельной Украины, как независимого государства. Так ставится сейчас этот вопрос частью украинской литературы. В идеале сепаратистов – “Единая, Вольная, Независимая Украина – от Карпат аж до Кавказских гор”» [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 88об.]. Могилянский с негодованием замечал, что «сейчас в эмигрантской колонии Праги в сферах украинских настроение определенно и резко сепаратистское, и украинцы – не сепаратисты считаются в лучшем случае “окацапленными”, т.е. руссофицированными, в худшем – изменниками своего народа» [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 89об.].

Н.М. Могилянский был активным членом образованного в 1919 г. Украинского национального комитета (УНК), который объявил в декларации, что берет на себя временно защиту национальных интересов Украины перед интернациональными политическими деятелями и ставит целью восстановление целостной Украины в ее этнографических границах в форме федерации с Россией [2. С. 120]. Декларация УНК появилась 19 декабря 1919 г., в период работы мирной конференции в Париже. В состав комитета, помимо Могилянского, вошли бывшие чиновники Украинской Державы Скоропадского С.К. Моркотун и А.А. Вишневский, а также представители Западной области УНР (В.Л. Панейко, С.Т. Томашевский и др.). УНК в США представлял К. Билык [2. С. 120; 10. С. 180]. Таким образом, помимо бывших чиновников гетманата, в состав комитета вошли также и некоторые деятели делегации УНР на парижской конференции. Украинская делегация раскололась: западноукраинские представители не могли поддержать внешнеполитическую линию директории УНР на союз с Варшавой и признание прав Польши на Восточную Галицию. В этой ситуации галичане вынуждены были искать других союзников. В начале декабря членам этой делегации Панейко и Томашевскому, представлявшими западноукраинский регион, было выражено недоверие, они были обвинены в том, что действовали сепаратно как в галицийских, так и в общеукраинских вопросах, а Томашевского обвинили также в поддержке Скоропадского. 17 декабря дипломаты вышли из украинского представительства [10. С. 180].

Галичане вошли в комитет после того, как командование Украинской галицийской армии в ноябре 1919 г. подписало соглашение о переходе под командование генерала А.И. Деникина, и после поражения последнего под Новороссийском в начале 1920 г. отошли от активного сотрудничества с УНК. В результате, как считают специалисты, его состав фактически сводился к председателю комитета С.К. Моркотуну, секретарю В.В. Цитовичу и члену комитета Н.М. Могилянскому. Комитет «от имени украинского народа распространял ноты к руководству разных

государств, в первую очередь Франции, Великобритании, США, а также издавал агитационно-пропагандистскую литературу на французском и других языках» [2. С. 122].

Могилянский отметил «общую неблагоприятную историческую конъюнктуру» для русско-украинских отношений в период проведения мирной конференции в Париже. Он подчеркивал «опасность отхода к Польше русских или украинских областей», что «обещает в будущем неизбежное столкновение между Польшей и Россией» [5. С. 591]. При этом ученый настаивал, что «и в языковом, и в религиозном, и бытовом отношении, не говоря уже об антропологическом, Украина, несомненно, ближе к России, чем к Польше» [5. С. 601].

В Париже С.К. Моркотун и Н.М. Могилянский решили издавать орган УНК «Bulletin du Comité National Ukrainien a Paris». Вышло два номера – 5 мая и 12 июня 1920 г. В бюллетене публиковались статьи, критикующие политику С.В. Петлюры и польско-украинский военный альянс. Будущее Украины издатели видели в федерации с небольшевистской демократической России, подчеркивали необходимость национально-культурной автономии для украинцев и их равноправного представительства в высших органах власти послевоенного российского демократического федеративного государства. Моркотун и Могилянский поддерживали П.Н. Врангеля [11. С. 91–92]. 15 августа 1920 г. бюллетень трансформировался в журнал-ревю «La Jeune Ukraine», продолжая исполнять функцию печатного органа Украинского национального комитета в Париже. Лозунгами издания были «Sans Russie pas d'Ukraine»! («Без России нет Украины»!), «Sans l'Ukraine pas de Russie»! («Без Украины нет России»!) [11. С. 93; 12. С. 106]. Как отметил С.Р. Блавацкий, редакционная политика изменилась: «Если вначале редакция издания рассматривала российский фактор как фундаментальный, определяющий для будущего развития Украины, то позже она кардинально изменила свою позицию и интерпретировала Украину как залог успешного строительства российского федеративного государства». В то же время «редакция издания продолжала поддерживать политику барона Врангеля и выражала солидарность с его политикой касательно Украины. В критике действий “большевистской Директории” и С. Петлюры, деятельности дипломатических миссий УНР за рубежом, украинско-польского военного альянса и украинского сепаратизма четко прослеживается преемственность редакционной политики “La Jeune Ukraine” к своему предшественнику – “Bulletin du Comité National Ukrainien a Paris”» [11. С. 93–94].

Могилянский возлагал большие надежды на Украинский национальный комитет в Париже. В «Записке по украинскому вопросу и о ближайших перспективах, связанных с Украиной», составленной в 1921 г., ученый указал на необходимость учитывать две особенности текущего положения на Украине: «1) признание факта политической революции конца февраля 1917 г. с ее последствиями, 2) признание факта аграрной революции, связанной с переходом земли в руки крестьянства» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 19]. В идеале деятели комитета «видят Россию в виде демократической, федеративной республики, где отдельным нациям предоставлено будет широкое право культурного самоопределения и свободного развития национальной жизни» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 19]. Программа действий для Могилянского была следующей: «1) создать в Париже руководящий политический центр, могущий руководить освободительным движением, 2) создать для целей пропаганды организации и для создания военных кадров украинцев освободительный фонд, 3) помочь всеми силами организации и руководству повстанческим движениям на Украине» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 21].

Ожидания Н.М. Могилянского не оправдались: большевикам удалось удержаться у власти. Поддерживаемая ученым программа трансформации русско-

украинских отношений была сформулирована в период поиска перспектив преобразования бывшей Российской империи и отражала настроения части российского общества. Однако в условиях развития и радикализации революции шли процессы дальнейшего размежевания политических сил, и автономистскому проекту не удалось найти понимания среди деятелей украинского движения в эмиграции. Лидеры УНР утверждали, что члены комитета неизвестны широкой украинской общественности. Украинский еженедельник «Воля» называли УНК «комитетом трех русских агентов», людьми, «которые за деньги могут даже с чертом работать» [2. С. 122].

Не смогли оказать результативную поддержку комитету и лидеры белого движения. Украинский национальный комитет стремился найти контакты с Врангелем и приехал в Крым на переговоры. Как указывает А.В. Иванец, «в декларации УНК, которую правителю Юга России вручил С. Моркотун, провозглашалось, что в основу соглашения с врангелевским правительством должны быть положены три принципа: признание федерации на демократичной основе, земельная реформа и вооруженная борьба с большевиками. П. Врангель в ответ заявил, что приветствует сближение с "украинскими массами", но подчеркнул, что основной задачей является создание реальной силы, способной противостоять большевикам» [2. С. 128]. В 1920 г. комитет развернул деятельность по созданию своих филиалов в странах проживания украинских эмигрантов. Отделения пытались создать в Стамбуле, Белграде, Софии, Нью-Йорке и, возможно, в Германии.

После поражения Врангеля комитет пытался продолжать свою деятельность, активно выступал в период подписания в марте 1921 г. Рижского договора между Польшей и РСФСР и УССР. В нотах УНК раскрывал свое видение украинско-русско-польских отношений. Как указывает украинский специалист, «комитет декларировал славянскую солидарность и необходимость для сдерживания попыток немцев продвинуться на восток создать базу для альянса польского народа, с одной стороны, и русского с украинским, – с другой. УНК заявлял, что предпосылкой такого союза, "кроме наилучшего определения границ, может быть также политика полного невмешательства Польши в дела русские и украинские". Поэтому комитет С. Моркотуна высказался "против того, что польское правительство держит на своей территории группу украинских эмигрантов во главе с Петлюрой"» [2. С. 129–131].

Постепенно деятельность комитета свертывалась. В августе 1921 г. еженедельник «Воля» сообщил о закрытии структур УНК в Стамбуле и Белграде [2. С. 132]. По словам С.С. Алымова, надежды на демократическую федералистскую Россию и на падение большевиков не оправдались, и Могилянский должен был приспосабливаться к жизни эмигранта. В 1923 г. ученый переехал в Прагу, где работал в Педагогическом институте им. Яна Амоса Коменского – учебном заведении, готовящем учителей для будущей постбольшевистской России [1. С. 78]. В эмиграции Могилянский вел активную преподавательскую работу, написал несколько программных текстов по истории, этнографии, современному положению и будущему Украины. Он умер в Праге в 1933 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Алымов С.С.* Украинские корни теории этноса // Этнографическое обозрение. 2017. № 5.
2. *Іванець А.В.* До питання про діяльність паризького Українського національного комітету (1919–1921 рр.) // Український історичний журнал. 2010. № 5.
3. *Лескинен М.В.* Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016.

4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5787.
5. Очерк Н.М. Могилянского «Трагедия Украины». 23 мая 1919 г. // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М., 2014.
6. Россия и Украина. Из дневников Н.М. Могилянского и писем к нему П.П. Скоропадского. 1919–1926 // Минувшее: Исторический альманах. 14. М.; СПб., 1993.
7. Из очерка Н.М. Могилянского «Украина во время мировой войны» [не ранее 1922 г.] // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год.
8. *Хрипаченко Т.И.* «Автономия» и «федерация» в дебатах либералов и украинских националистов по «украинскому вопросу» // Вестник Омского университета им. Ф.М. Достоевского. 2011. № 1.
9. *Пиріг Р.Я.* Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. Київ, 2011.
10. *Попенко Я.В.* Діяльність дипломатичної місії УНР на Паризькій мирній конференції (липень–грудень 1919 р.) // Наук. пр. іст. ф-ту Запоріз. держ. ун-ту. Запоріжжя, 2008. Вип. 24: Соціальні та національні чинники революцій і реформ в Україні: проблеми взаємовпливів (до 90-річчя УНР).
11. *Блавацкий С.Р.* Украинская русофильская франкоязычная пресса Франции (1919–1921 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. 2014. № 2. Сер. 10: Журналистика.
12. *Блавацький С.Р.* Українська франкомовна періодика Європи доби національно-визвольних змагань: ідентифікація, систематизація, класифікація // Збірник праць Науково-дослідного інституту пресознавства. 2013. Вип. 3.